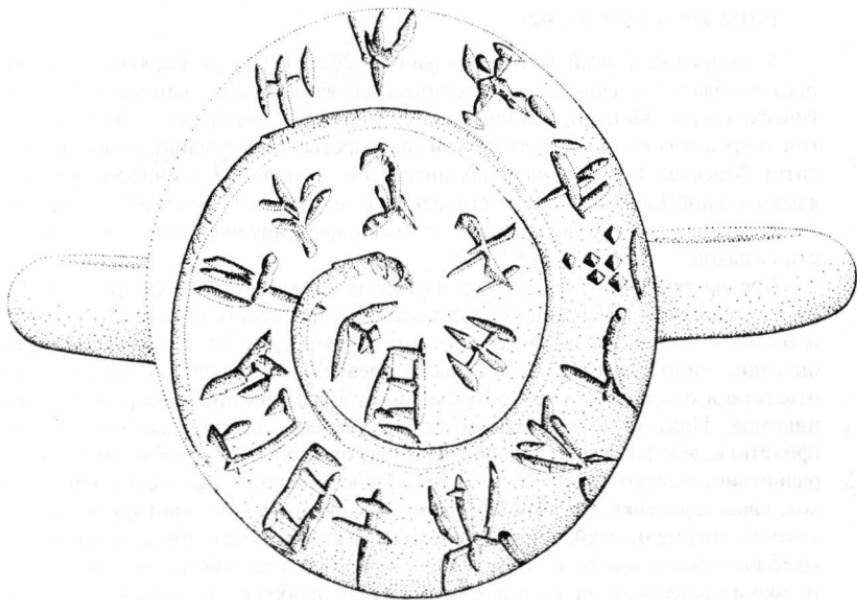

С. А. ЯЦЕМИРСКИЙ

ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ОПИСАНИЯ
МИНОЙСКОГО, ЭТРУССКОГО
И РОДСТВЕННЫХ ИМ ЯЗЫКОВ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2011

УДК 811.29
ББК 81
Я 92

Это издание стало возможным благодаря поддержке, оказанной
мисс Пегги Дули (Бенисия, Калифорния)

This edition became possible owing to the support
from Ms. Peggy Duly (Benicia, California)

Р е ц е н з е н т ы :

д-р филол. наук, проф. В. А. Дыбо,
д-р филол. наук, проф. В. В. Шеворощин

Яцемирский С. А.

- Я 92 Опыт сравнительного описания минойского, этрусско-го и
родственных им языков. — М.: Языки славянской культуры,
2011. — 312 с.

ISBN 978-5-9551-0479-9

Яцемирский Сергей Александрович (р. 29.01.1980 г., г. Горький), специалист в области сравнительно-исторического языкознания, кандидат филологических наук. Защитил в 2006 г. диссертацию по теме «Проблемы морфологии тирренских языков» (Российский государственный гуманитарный университет, Москва). Область научных интересов — мёртвые доиндоевропейские языки южной Европы и Кипра (тиренские, минойский, сардский), греческий язык, латинский и другие итальянские языки, формирование и история романских языков.

Предлагаемая читателю работа в известной степени является продолжением кандидатской диссертации, посвящённой тирренским языкам (этрускому и близким ему малоизвестным диалектам I тыс. до н. э.), а также включает описание минойского языка (т. е. языка древнейшего населения Крита), в соответствии с предложенной автором гипотезой о генетическом родстве этих языков. Помимо сравнительного описания собственно языковых реалий (фонетики, морфологии, словообразования) она содержит необходимые экстраполингвистические сведения — информацию о народах-носителях этих языков, характеристику письменных памятников и других источников, ряда собственно письменностей, а также описание некоторых методов дешифровки и комбинаторного анализа. Монография призвана восполнить возникший не только в отечественной, но и в мировой науке пробел в сравнительном исследовании всех перечисленных языков.

Для специалистов в области сравнительно-исторического языкознания, филологов-классиков, историков письменности и всех интересующихся реликтовыми языками европейского Средиземноморья.

ISBN 978-5-9551-0479-9

9 785955 104799 >

ББК 81

© С. А. Яцемирский, 2011
© Языки славянской культуры, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА 1. СОСТАВ МИНОЙСКО-ТИРРЕНСКОЙ ГРУППЫ ЯЗЫКОВ	9
Минойский язык	10
Этеокритский язык	14
Названия «тирренны» и «тирренские языки»	15
Древнейшие сведения о тирренах	16
Тирренские языки I тысячелетия до н. э.	18
Этрусский язык	18
Ретийский язык	22
Эгейско-тирренский язык	24
Этеокипрский язык	28
Иbero-тирренский (южнолузитанский) язык	29
Возможная локализация других диалектов	30
ГЛАВА 2. ИСТОЧНИКИ	36
Минойский язык	36
Этеокритский язык	43
Этрусский язык	44
«Малые» тирренские языки	60
Ретийский язык	60
Эгейско-тирренский язык	61
Этеокипрский язык	62
Иbero-тирренский (южнолузитанский) язык	64
ГЛАВА 3. ПИСЬМО	67
Иероглифика Крита	68
Системы линейного письма	69
Тирренское алфавитное письмо	81
ГЛАВА 4. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛЕКСИКИ	89
ГЛАВА 5. ФОНЕТИКА	112
Минойский язык	113
Вокализм	113
Консонантизм	115
Тирренские языки I тысячелетия до н. э.	117
Вокализм	117
Консонантизм	126

ГЛАВА 6. МОРФОЛОГИЯ	158
Структура морфемы	158
Общие сведения о морфологии	161
Имя	167
Род	167
Число	171
Падеж	174
Местоимение	189
Числительные	194
Глагол	208
Общие сведения	208
Система времён	213
Побудительные формы	228
Предполагаемые аналитические формы	231
ГЛАВА 7. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ	233
Общая характеристика	233
Префиксация	236
Основные форманты имён и их сочетания	237
Специализированные показатели	250
Миноистский суффикс <i>-op-</i> (<i>-οπ-</i>)	250
Адъективные суффиксы	251
Суффикс принадлежности <i>-vθ/-te</i>	253
Деминутивные суффиксы	259
Формы с энклитиками	261
ПРИЛОЖЕНИЯ	266
Приложение 1. Надпись Фестского диска в твёрдой нумерации	266
Приложение 2. Этоскритские надписи	267
Приложение 3. <i>Tabula Cortonensis</i>	268
Приложение 4. Билингва из Пирг и её «конспект»	269
Приложение 5. Надпись Лемносской стелы	271
Приложение 6. Важнейшие этоскипрыские надписи	272
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ МИНОЙСКИХ И ТИРРЕНСКИХ СЛОВ, ПРОНИКШИХ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК	273
СЛОВАРЬ	288
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	300
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	303

Моей маме,
Людмиле Николаевне Яцемирской

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа является завершением определённого этапа исследований, проводившихся мною в течение ряда лет по тирренским языкам (т. е. языку этрусков и ряду диалектов I тыс. до н. э., весьма ему близких, но известных по гораздо меньшему количеству памятников), а также языку древнего Крита, который в кругах специалистов по средиземноморской лингвистике, микенологов, филологов-классиков, а также историков обычно именуется «минойским». В известной степени эта публикация является продолжением диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук, защищённой мною в стенах Российского государственного гуманитарного университета (Москва) под руководством чл.-корр. РАН, д. филол. н., проф. В. А. Дыбо.

Поскольку решение двух главных из ставившихся мною задач, предложенное в диссертации (сопоставительное описание фонетики, лексики и морфологии тирренских языков I тыс. до н. э. и основанное на нём обоснование их родства*) не нашло серьёзных возражений со стороны филологов-классиков, специалистов по сравнительно-историческому и общему языкознанию (этруско-логическая школа в

* Необходимо оговориться, что первичное сравнение ни одной из пар тирренских языков не является моей заслугой — к выводу о родстве этрунского и «лемносского» пришли сразу несколько специалистов уже в начале XX века, в рамках «тиренской» группы этрусский и ретийский были объединены в 1980—1990-е годы Г. Риксом, южнолузитанский, «лемносский» и этрусский сравнивал уже А. Шультен около 70 лет назад, на явные параллели между этrusским и этеокипрским указал А. И. Харсекин в 1970-е годы. Но сравнение и подробное описание всех пяти идиомов на достаточно объёмном материале никогда не предпринималось, а два последних сравнения и вовсе оказались забыты. Компенсировать эти упущения и было одной из моих целей.

нашей стране, к сожалению, совершенно отсутствует), у меня появилась возможность не только расширить и в некоторой степени отредактировать имеющийся материал, но и вывести сравнение на новый уровень — а именно, заняться изучением языка Крита (т. е. языка уже II тыс. до н. э.), относительно которого у меня давно существовали соображения о генетической близости с языками тирренскими, но попытка его рассмотрения вместе с идиомами, затронутыми в диссертации, была бы логически преждевременной — собственно, не существовало сколь-нибудь объёмного сравнительного исследования этой группы, и описание языка принципиально более древнего состояния вместе с ними вряд ли было бы положительно воспринято научным сообществом.

Конечно, в силу объективных причин разделы, посвящённые минойскому, значительно уступают тирренским по объёму, но выполняют, по моему мнению, не менее важную задачу. Во-первых, можно надеяться, что они помогут ввести читателя в единый лингвоисторический контекст, показывая, что мы имеем дело не с горсткой разрозненных изолятов или, например, с двумя-тремя близкородственными диалектами одного изолята, а с группой, просматривающейся уже и в диахронии, с довольно чётко наметившимися центром и периферией, во-вторых, позволяют решить несколько конкретных задач — например, чтения ряда памятников, атрибуции многих заимствований в греческом, исследования отдельных вопросов истории письменности и т. д.

Отсутствие обобщающего сравнительного исследования и сама гипотеза о родстве тирренов и критян сделали совершенно необходимым помещение в основной текст исследования многих экстралингвистических данных (основных сведений о тирренах и критянах, известных письменных памятниках и системах письма), а в Приложения — транслитерации ряда надписей. Я смею надеяться, что данное издание сможет послужить кратким введением в лингвистическую этрускологию и миноистику.

Я обязан выразить благодарность моим учителям, коллегам и друзьям, оказывавшим мне неоценимую помощь все эти годы, детально разбиравшим конкретные вопросы и читавшим объёмные разделы рукописи, предоставлявшим материалы научных изданий, задававшим серьёзные вопросы на конференциях и в переписке и указывавшим на самые различные аспекты, не замеченные мною — проф. В. А. Дыбо, проф. В. В. Шеворошкину, проф. В. П. Нерознаку, проф. А. В. Дыбо, к. филол. н. А. С. Касьяну и другим.

Отдельно следует назвать мисс Пегги Дули (Бенисия, Калифорния), которая сделала это издание не только осуществимым материально, но и в течение нескольких лет бескорыстно помогала мне научной литературой (в первую очередь, по Криту), без которой оно вряд ли состоялось бы и в рукописи.

*С. Яцемирский
октябрь 2010 г.*

и настолько ярко проявляется в надписях, что неизбежно вспоминаются языки, находящиеся под сомнением в вопросе о единстве языковой группы. Так, например, в надписях из Микенской Греции и Крита, а также в надписях из Тиррени и Сицилии, где в текстах присутствуют элементы, близкие к этрусскому, но не имеющие аналогий в этрусско-умбрских текстах, возникает вопрос о том, являются ли эти языки членами этрусско-умбрской языковой группы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СОСТАВ МИНОЙСКО-ТИРРЕНСКОЙ ГРУППЫ ЯЗЫКОВ

В течение долгого времени единственным мёртвым неиндоевропейским эпиграфическим языком средиземноморской Европы, о котором было известно науке, оставался этрусский; в частности, в Италии все нелатинские и негреческие надписи объявлялись этруссими. Так в число «этруссских» текстов попадали оскско-умбрские, фалискские, ретийские и другие надписи; например, истинная принадлежность знаменитых умбрских Игувинских таблиц (открытых в 1444 г.) была установлена лишь в XIX в. К концу XIX в. удалось чётко очертить собственно этрусские памятники; появились первые научные версии происхождения этрусков. Ещё в XVIII в. Н. Фрере выдвинул т. н. «северную» гипотезу об их появлении в Италии, впоследствии поддержанную Б. Нибуром и В. Гельбиgom [Немировский 1983: 7—9]; хотя сама гипотеза была весьма натянутой и совершенно не оправдала себя в дальнейшем, она привлекла внимание учёных к ретийскому эпиграфическому материалу (в свою очередь, весьма неоднородному). В 1885 г. на о. Лемнос была открыта надпись на языке, близость которого с этрусским была отмечена уже ранними исследователями, а после расшифровки кипрского слогового письма (1911 г.) выяснилось, что часть местных надписей также составлена на неиндоевропейском языке, на сходство которого с этрусским обратил внимание отечественный этрусколог — А. И. Харсекин [Харсекин 19766]. В целом, к этому времени горизонты изучения новой группы языков существенно расширились.

На сегодняшний день можно уверенно говорить о родстве этрунского языка с рядом вымерших идиомов, бытовавших в древности в различных районах Средиземноморья. Очевидно, что эти языки на

определенном этапе распространялись весьма широко и существенно плотнее, чем во время создания имеющихся письменных памятников, а впоследствии были вытеснены языками индоевропейских народов. В данном исследовании эти языки будут обозначаться как «минойский» и «тирренские» (пояснение см. ниже).

В самой же колыбели европейской цивилизации — в Эгейде — доиндоевропейские письменные памятники были обнаружены на рубеже XIX—XX вв. Во время своих знаменитых раскопок на Крите сэр А. Эванс открыл сразу три разновидности письма, из которых лишь последняя — которой было присвоено название «линейное письмо B» — скрывала греческий язык; в 1909 г. к ним присоединилась письменность Фестского диска (опубликован Л. Пернье), памятника, по сей день остающегося уникальным. Кроме этого, стала известна древнейшая система письма Кипра, являющаяся переходным звеном между линейным A и классическим кипрским силлабарием; она также использовалась для неиндоевропейского языка.

Обо всех этих языках и письменностях и пойдёт речь ниже.

Минойский язык

Минойским языком по достаточно давно закрепившейся традиции принято называть язык древнейшего и, вне всякого сомнения, доиндоевропейского населения Крита, создавшего культуру, которую также именуют «минойской» по имени полулегендарного царя Миноса (*Μίνως*)¹, известного античным авторам как законодателя Крита, создателя общекритской державы и морского могущества (т. н. «талассократии Миноса»). Очевидно, что этот язык присутствовал на Крите уже в середине III тыс. до н. э.; здесь датировка напрямую зависит от датировки имеющихся письменных памятников, выполненных наиболее древними местными разновидностями письма — иероглифического (с XXI или XX в. до н. э.) и, возможно, надписи Фестского диска, относящейся, вероятно, к XVII в. до н. э. (подробнее см. ниже, в главах «Источники» и «Письмо»). Мы будем пользоваться названием «минойский язык», понимая его условность; с другой стороны, имеется название, сохранившееся в памятниках линейного A, но нигде специально не использующееся (также см. ниже).

¹ Вероятно, что и сама эта форма представляет собой титул, а не имя собственное.

Этап развития древней критской культуры XX—XIX вв. до н. э., к которому относятся наиболее ранние из обнаруженных на сегодняшний день памятников, по принятой хронологической шкале обозначается как среднеминойский период I. Ни археологические памятники, ни свидетельства античных авторов не дают основания считать, что носители древнекритской культуры этого времени по этническому составу сколь-нибудь существенно отличались от жителей Крита раннеминойского периода. Отсутствие заметных изменений, могущих быть вызванными внешними причинами, позволяет говорить о полной преемственности в развитии данных этапов древнекритской культуры. Таким образом, у нас имеются очень серьезные основания полагать, что создатели первых письменных памятников говорили на том же языке, что и жители Крита второй четверти — середины III тыс. до н. э. (раннеминойский период I), с закономерными диахроническими изменениями. Наиболее вероятно, что минойские топонимы, сохраненные в греческих источниках (от памятников линейного письма *B* до поздних античных авторов) существовали задолго до появления классической письменности, будучи, таким образом, современны минойской цивилизации. Впоследствии часть из них была заменена на греческие; появились и анатолийские формы.

Хронология минойского языка письменного периода пока не поддается удовлетворительной разработке. Это связано в первую очередь с тем, что у нас отсутствуют убедительные чтения раннеминойских (т. е. иероглифических) надписей (а для текста Фестского диска нет бесспорного чтения ни одного знака). Основным объектом исследования были и остаются памятники восходящего к иероглифическому линейному письму *A*.

Синхронные данные минойского (т. е. материал надписей линейного *A*) позволяют отметить отдельные (весьма редкие) лексические параллели с малоазиатским (анатолийским), ближневосточным (семитским) и египетским ареалами. Вопрос о характере взаимодействия с анатолийскими языками в описываемый период остается открытым. В отдельных формах из надписей линейного *A* усматриваются анатолийские заимствования. Не исключено проникновение носителей хетто-лавийских языков на Крит в минойское время — хотя вполне возможно, что данные лексемы были усвоены предками жителей Крита ещё на материке. Доподлинно известно лишь присутствие анатолийских топонимов и антропонимов в критских надписях линейного *B*; проникали анатолийцы и на другие острова — ср., в

частности, свидетельство Геродота [I, 171] о том, что карийцы ранее жили на островах и назывались «лелегами»¹ (*Λέλεγες* < хет. *lulahhi* — «варвар»)².

Параллели с семитскими языками не менее загадочны. В важнейших из них чётко выделяются минойские словообразовательные суффиксы, тогда как внутри семитской группы они не имеют регулярных соответствий, и это позволяет говорить о них как о ранних заимствованиях из минойского, но о времени и месте контактов рассуждать пока вряд ли возможно. Наконец, имеются немногочисленные египетско-критские параллели, явно появившиеся во времена расцвета критской морской державы (критяне — *kftjw* — упоминаются и в египетских источниках)³.

С течением времени население Крита стало являть собой весьма пёструю картину. В частности, Гомер [Od., IО, 175—179] указывает, что на острове, помимо этеокритян (т. е. «истинных критян» — минойцев, а также их потомков) жили также кидоны, пеласги, ахейцы и «разделенные на три колена» (*τριχάϊκες*) дорийцы⁴.

Данное свидетельство Гомера не может являться решающим аргументом при описании этнической ситуации на Крите в ранний период. Мы знаем, что ахейцы появляются на острове лишь начиная с 1450 г. до н. э., а дорийцы — ещё позднее, и нам ясно, что сведения о владычестве Миноса здесь явно ошибочны. Фактически, у Гомера описывается население Крита в период после 1200 г.; соответственно, и упоминание о пеласгах не указывает с необходимостью на их раннее присутствие на острове. Таким образом, нет оснований говорить о наличии на острове пеласго-фракийского (в условном современном понимании) населения в период, предшествовавший упадку минойского Крита, т. е. до 1450 г. до н. э. Палеобалканская топонимика для более раннего периода, как представляется, материально не засвидетельствована.

В любом случае, индоевропейские по происхождению палеобалканские диалекты не относятся к тематике нашего исследования; здесь важны лишь упоминания Гомера и других авторов о западном племени

² Сходные сведения находим у Гесихия; совершенно загадочно свидетельство Стефана: «Φύσκος δέ, ἀφ' οὗ οἱ Λέλεγες οἱ νῦν Λοκροί» (в статье *Φύσκος*).

³ Вероятно, именно через посредство критян определённая часть египетских слов проникла в греческий; эти формы были подробно изучены П. В. Ернштедтом [Ернштедт 1953].

ни, кидонах (Κύδωνες), как современниках минойцев. Основа этого топонима и этнонима засвидетельствована непосредственно в надписях линейного *A* —ср. *ku-do-ni* (HT 13, HT 85), *ka-u-do-ni* (HT 26) и, вероятно, от этой же основы *ka-u-de-ta* (HT 13).

Очевидно, что кидоны и минойцы были родственными племенами, говорившими на близких диалектах. Кидоны, наряду с минойцами, воспринимались греческими авторами как автохтонное население Крита (заметим, что подобное указание о пеласгах отсутствует); подтверждением близкого родства является также генеалогический миф (объяснение, свойственное эллинской традиции в целом), согласно которому эпоним этого народа Кύδων (личность, скорее всего, вымышленная) был внуком Миноса. Судя по свидетельству Гомера, этническая самостоятельность кидонов сохранялась, по крайней мере, до «тёмных веков»; исключительный интерес представляло бы собой выделение её материальных следов (т. е. диалектных отличий); такими могут являться некоторые фонетические колебания, в первую очередь — различия в огласовке части суффиксов (см. в главе «Словообразование»). Предположение А. А. Молчанова о том, что к XVI в. до н. э. сформировался «общекритский минойский язык» [Молчанов, Нерознак, Шарыпкин 1988: 171], таким образом, выглядит ненадёжным.

В принципе, такое положение вещей подтверждается и ситуацией с соперничеством Кносса и Кидонии как главных городов Крита; позднее Кносс занимает главенствующее положение, а дворцы Кидонии, Феста и других городов уже никогда не достигают уровня развития Кносского дворца. Можно допустить также, что Кносс и Кидония изначально являлись центрами двух главных племён, и «минойцы» носили самоназвание, однокоренное с *ko-no-sa* (по аналогии с Κύδωνες — Κυδωνία). Сведения о соперничестве Кносса и Кидонии сохранились до позднейшего времени [Strabo, X, 4, 11]. Третий город, позиция которого в этих столкновениях могла оказаться решающей, носил в классическое время тирренское (хотя и проникшее из индоевропейского) название Гόρτυν, *ko-tu* в линейном *B*⁴, однако сохранилось и его исконное наименование — Ἐλλώτια (с минойским корнем, рассмотренным ниже).

Гомер говорит о существовании на Крите девяноста городов; хотя число здесь, конечно, является поэтическим преувеличением, следует

⁴ Ср. идентичное этр. *curtun* — совр. итал. *Cortona*, аркад. Γόρτυς, макед. (Эматия) Γόρτυνία, фесс. Γυρτών, аркад. Κορτύνοι (у Гесихия: «οἱ Ἀρκάδες ἡ γὰρ Κόρτυς τῆς Ἀρκαδίας»), беот. Κυρτώνη (у Стефана) — памф. Κορδυτός, макед. Γορδυνία; здесь же фесс. монетная легенда ΓΟΡΔΙΑΣ.

признать, что количество городских поселений на Крите было весьма впечатляющим. Главные города Крита носили, соответственно, большей частью неиндоевропейские, минойские названия, многие из которых сохранились до классического периода. В надписях линейного *B* упоминаются такие города, как *a-mi-ni-so* (‘Αμνισός), *a-pa-ta-wa* (‘Απταρά), *di-ka-ta-de* (Δίκτη), *ko-no-so* (Κνωσσός, Κνωσός), *ku-do-ni-ja* (Κυδονία), *pa-i-to* (Φαιστός), *tu-ri-so* (Τυλισσός), *u-ta-no* (‘Ιτανος). Эти названия имеют параллели в текстах линейного *A*, но они пока немногочисленны.

Вопрос о границах распространения минойского языка крайне сложен. Неизвестно, следует ли нам говорить об обособлении минойского из группы близких эгейских диалектов собственно на Крите, или о постепенном расширении ареала этого языка с развитием экспансии критской морской державы (ср., в частности, предположения о привнесении линейного *A* на Мелос и Феру [Поуп 1976: 85 и др.]). Догреческое население Кипра, явно относящееся к изучаемой нами группе, тоже может быть как её самостоятельной ветвью (где критское влияние выразилось в заимствовании письменности), так и потомками критских колонистов (вторая версия поддерживается А. А. Молчановым — ср. главу с говорящим названием «Минойцы на острове Афродиты» в издании [Молчанов 1992]).

После природной катастрофы середины XV в. до н. э., с которой большинство исследователей связывает упадок Критской державы, минойское население неуклонно сокращается, вытесняясь сначала ахейскими, а с XII в. до н. э. — дорийскими переселенцами. Время исчезновения последних остатков критской речи определяется уже по греческим свидетельствам и памятникам алфавитного письма (см. ниже, в разделе «Этеокритский язык»). Язык этот, засвидетельствованный в письменных памятниках на протяжении практически двух тысяч лет, представляет собой одну из самых трудноразрешимых загадок лингвистической науки. Будучи пришлым на территории Европы, он стал языком древнейшей европейской цивилизации; его происхождение, историю и внутреннюю структуру ещё предстоит раскрыть.

ЭТЕОКРИТСКИЙ ЯЗЫК

К тому времени, когда «истинные критяне» попали в поле зрения греческих историков, они представляли собой небольшие островки автохтонного населения, постепенно переходившего на греческий язык. Немногочисленные упоминания о них трудно считать сведени-

ями как таковыми; подчёркивается лишь их особое происхождение⁵. Известно, что «истинные критяне» обитали в районе городов Дрера и Преса, неподалёку от почитаемой Диктейской горы; оттуда же происходят и их фрагментарные надписи, исполненные греческим алфавитом.

Различия между потомками жителей Кносса и кидонами к тому времени были, конечно, уже полностью потеряны. Можно думать, что время составления последних надписей — IV в. до н. э. — примерно совпадает с окончательным вымиранием критского языка.

Названия «тиррены» и «тирренские языки»

Термин «тирренские языки» был впервые использован Г. Риксом [Rix 1998]; его необходимость стала совершенно очевидной после прояснения явных параллелей между этрусским и лемносским, с одной стороны, и этрусским и ретийским, с другой. Помимо научного, лингвистического, значения, этот термин имеет значение общекультурное, поскольку он впервые позволяет представить этрусский, в сознании большинства людей долгое время являвшийся абсолютно изолированным, как один из языков родственной группы — пусть небольшой, но практически сразу обнаружившей возможности к дальнейшему сравнению.

Именуя исследуемые языки «тирренскими», мы следуем греческому названию этих народов: Τυρσηνοί, дор. Τυρσανοί, атт. Τυρρηνοί; собственно, к данной основе восходят и итальянские наименования: умбр. *Turskum*, лат. *Etrusci* (протеза *e-* достоверно известна в самом этrusском языке), *Tusci*, откуда позднее греческое Θούρκοι; эта же основа сохраняется и сегодня в названии Тосканы (лат. *Tuscania*). По-видимому, в сокращенном виде она присутствует и в этрусской надписи на амфоре из Милана TLE 720: ¹*trskmetr* ²*LXXVI s.*

Под названием «тирренов» греки объединяли этрусков Италии и их родственников в Эгейде (например, не всегда возможно проследить, относятся ли гlossen, сохранённые греческими авторами, к этрускам или жителям Эгейды); других же обобщающих названий у нас пока нет. Не исключено, что на подобную роль могло бы претендовать самоназвание этрусков — *r̄asna*, Ῥασέναι [Dion. Hal., I, 30], однако оно пока не засвидетельствовано за пределами Италии.

⁵ Само это название стало нарицательным; к примеру, Гесихий даёт такой комментарий: «Ἐτεόκρητες· οἱ αὐτόχθονες».